УДК [087.5+002.2-053.2](73+470)
ББК 83.8+83.3(7Сое)+83.3(2)
https://doi.org/10.20913/1815-3186-2020-4-80-88

Американская и российская детская литература начала XXI в. Разнообразие возможностей

О. Б. Бухина

Бухина Ольга Борисовна

Нью-Йорк, США
независимый исследователь, переводчик, литературный критик, специалист по детской литературе

ORCID: *0000-0002-6187-8074*
e-mail: *bukhina.olga@gmail.com*

Аннотация. Сравнивая издательскую политику, влияние переводной литературы и роль женщин-писательниц, автор прослеживает новые тенденции в выпуске американской и российской детской и подростковой литературы. Автор приходит к выводу, что американская литература для самых маленьких отражает многообразие современного опыта, тогда как российская переживает расцвет в области поэзии и познавательного чтения. Сравнение подростковой литературы обеих стран выявляет значительное сходство: все больше появляется книг на такие трудные темы, как болезнь, смерть, самоубийство, наркотики, психологическая травма и буллинг.

Ключевые слова: детская литература, подростковая литература, книжки-картинки, трудные темы

Для цитирования: Бухина О. Б. Американская и российская детская литература начала XXI в. Разнообразие возможностей // *Библиосфера. 2020. № 4. С. 80–88. https://doi.org/10.20913/1815-3186-2020-4-80-88*.

Статья поступила в редакцию 01.07.2020
Получена после доработки 11.08.2020
Принята для публикации 11.11.2020

© О. Б. Бухина, 2020

American and Russian children's literature at the beginning of the 21st century. The diversity of possibilities

Olga B. Bukhina

Bukhina Olga Borisovna

New York, USA
Independent researcher, interpreter, literary critic, a specialist on Children's Books
ORCID: *0000-0002-6187-8074*
e-mail: *bukhina.olga@gmail.com*

Received 01.07.2020
Revised 11.08.2020
Accepted 11.11.2020

Abstract. Comparing changes in publication policies, the influence of translated books, and an important role that women writers play now, author analyzed new tendencies in American and Russian children's and teens' literature. The author concludes that American picture books reflect the varieties of contemporary experiences, and the Russian ones thrive with poetry and non-fiction. The comparison of teens' literature of both countries shows a lot of similarities; both encompass more sensitive topics, such as illness, death, suicide, drugs, psychological trauma, and bulling.

Keywords: children's literature, teens' and young literature, picture books, sensitive topics

Citation: Bukhina O. B. American and Russian children's literature at the beginning of the 21st century. The diversity of possibilities. *Bibliosphere. 2020. № 4. P. 80–88. https://doi.org/10.20913/1815-3186-2020-4-80-88*.

Введение

Разнообразие – это то слово, которое, по всей видимости, можно применить к описанию всей мировой литературы последних двух десятилетий, однако задача этой статьи – сравнить лишь два, правда огромных, культурных пласта: современную американскую и российскую детскую и подростковую литературу. Часто приходится слышать жалобы на то, что раньше, в Советском Союзе, детские книги издавались огромными тиражами, а теперь тиражи стали совсем маленькие. Это, безусловно, так, однако следует учесть, что огромные тиражи сочетались с достаточно ограниченным набором наименований. В результате все дети читали примерно один и тот же стандартный набор: книги, включенные в школьную программу и в программу внеклассного чтения, приключенческую литературу (позже – фантастику) и классику – отечественную и зарубежную. В современном российском книгоиздании картина обратная – тиражи сравнительно небольшие, зато издаются все новые и новые книги, написанные по-русски и переведенные, совсем свежие и старые, по разным причинам не издававшиеся ранее. По сравнению с 1960 и 1970 гг., к 2018 г. количество наименований издаваемых детских произведений выросло примерно в десять раз. Общий тираж, конечно, упал, но совсем не так катастрофически, как может показаться: наполовину по сравнению с 1960 г. и на две трети по сравнению с 1970 г.[1] В результате современное книгоиздание для детей являет собой настолько разнообразную картину, что в ней не так легко разобраться читателю, взрослому и ребенку. В то же время любой ребенок может найти книгу по вкусу, прочесть что-то особенное для себя, то, что поможет ему стать заядлым читателем.

Сравнительный анализ литературы для совместного чтения с детьми

Американская детская литература, как и российская, также переживает взрыв разнообразия, хотя оно носит несколько иной характер. Особенность американского образования заключается в том, что в школах не существует единого списка обязательного чтения, тем не менее набор книг долгие годы был достаточно однообразен и в школьном, и во внешкольном чтении. Дело в том, что американская детская литература очень англоцентрична. В ней (по сравнению с Россией и Европой) почти отсутствуют переводы. Это достаточно типично для американской литературы в целом (считается, что переводная литература в США составляет 3% всех изданий)[2]. В детской литературе ситуация усугубляется еще тем, что переводить действительно «незачем», американцы же умеют читать по-английски, а исторически лучшие классические детские книги, а также многие популярные современные произведения действительно написаны по-английски. В американской традиции литература для самых маленьких переводится очень редко – «своей хватает».

Тем не менее в XXI в. американские дети читают не только классику – куда охотнее они воспринимают современные произведения,

[1] По данным статистических сборников «Печать СССР» и «Печать Российской Федерации». Анализ этих данных был произведен совместно с Келли Херолд (Kelly Herold) и Андрией Лану (Andrea Lanoux).

[2] См. блог Американской ассоциации литературных переводчиков: Maria Diment. Why are so few translated books published in America. June 30, 2019. URL: https://www.altalang.com/beyond-words/why-are-so-few-translated-books-published-in-america/ (дата обращения: 13.07.2020).

поскольку такие книги гораздо лучше отражают многообразие американского опыта. Детская книга в США – это огромная индустрия, чутко прислушивающаяся к покупателям, а они теперь хотят чего-то, что соответствовало бы их личному опыту и индивидуальному вкусу. Читатель и читательница в значительной степени изменились, это уже не англосаксонский ребенок XIX в. и не потомок европейских эмигрантов века XX. Современный американский ребенок-читатель растет в семье эмигранта из Африки или Латинской Америки, Азии, Ближнего Востока или Восточной Европы и часто говорит дома совсем не по-английски. У этого читателя другой цвет кожи и иная семейная история, и приключения белых детей, да еще к тому же из достаточно обеспеченных семей среднего класса, могут не так уж сильно его интересовать.

Что же отличает современную американскую детскую литературу? Сразу обращает на себя внимание изобилие – вернее сказать, преизобилие – книжек для малышей. В них обычно очень красивые иллюстрации и достаточно простой текст. Такие книги, естественно, выбирают и покупают родители, которые в первую очередь смотрят на качество иллюстративного материала, ведь именно картинкой заинтересуется их ребенок. То же самое волнует и издателей, они выбирают те книги, которые наверняка будут успешны на книжном рынке. Текст является вторичным, значительно менее существенным компонентом книги.

Интересная особенность, отличающая американские книжки для маленьких от соответствующих российских книжек, заключается в том, что часто художник и автор – одно и то же лицо, и это изначально именно художник (в наши дни чаще художница), то есть идея книги отталкивается не от текста, а от иллюстраций. Эта традиция сформировалась к середине XX в., и классика жанра уже знакома российскому читателю по работам таких авторов, как Роберт Макклоски, Морис Сендак, Эрик Карл и Арнольд Лобел (три последних опубликовали свои самые знаменитые книги в конце 1960 – начале 1970-х гг.)[3]. В России подобного подхода придерживался автор-художник Владимир Сутеев (1903–1993). Заметим, что все эти книги были написаны авторами-мужчинами и довольно давно. Современная гендерная ситуация значительно изменилась, но подход во многом остался прежним, хотя, конечно, многие художники никогда не становятся авторами, а авторы – художниками.

Современная американская книжная иллюстрация отличается невероятным разнообразием, яркие, многоцветные книги соседствуют с почти черно-белыми, с добавлением, например, контрастного красного. Изображения могут быть очень подробными или достаточно схематичными, выполненными в реалистической манере или абстрактными; часто иллюстрации выполнены в манере детских рисунков. Книги отличаются разнообразием стилей и приемов; при этом их объединяет важная социальная составляющая – в них обитают дети из разных групп населения, с разным цветом кожи, разного этнического происхождения. Современные авторы, чьи книги стали бестселлерами, выбирают важные для американского общества темы, такие как многочисленные возможности, открывающиеся перед современными детьми, толерантность и расовые предрассудки, иммиграция, социальная ответственность, умение оставаться самим собой, ограничения в области физических возможностей[4]. В этих книгах задаются новые, непривычные вопросы: что чувствует чернокожий ребенок, как расти в испаноговорящей семье, что это значит, когда у тебя две мамы или два папы, как быть, если папы или мамы вовсе нет? Каково это – быть девочкой? Что значит быть ребенком с особым развитием, ребенком с физическими проблемами? Что если ты совсем недавно приехал в США? Отмечу, что тема иммиграции уже давно занимает американских детских писателей, и множество современных книг посвящено именно опыту испаноязычных мигрантов и иммигрантов. Все больше появляется книг, которые написаны по-испански, но не для детей в Испании или Латинской Америке, а для детей в Нью-Йорке или Лос-Анджелесе. В большой степени это разнообразие достигается включением в книжный процесс новых авторов (и новых художников), часто эмигрантов из Африки и Латинской Америки. Если в классике жанра работали в основном мужчины, в настоящее время, как я уже говорила, авторов-женщин значительно больше. И конечно же на «производство» этой литературы сильно влияют вкусы родителей – книга должна уловить их запросы, а это как раз то поколение родителей, которое само выросло на книгах Роберта Макклоски, Мориса Сендака, Эрика Карла и Арнольда Лобела. Вместе с тем трудно выделить какие-то отдельные имена и названия в обилии недавних публикаций, и в отличие

[3] Макклоски Р. Дорогу утятам! : пер. с англ. Москва : Розовый жираф, 2013 ; Сендак М. Там, где живут чудовища : пер. с англ. Москва : Розовый жираф, 2017 ; Карл Э. Очень голодная гусеница : пер. с англ. Москва : Розовый жираф, 2018 ; Лобел А. Квак и Жаб круглый год : пер. с англ. Москва : Розовый жираф, 2012.

[4] Например, несколько бестселлеров 2020 г., где поднимаются вышеперечисленные темы: Nyong'o L., Harrison V (ил.). Sulwe. New York : Simon & Schuster Books for Young Readers, 2019; Winfield E. Martin. The wonderful things you will be. New York : Random House Books for Young Readers, 2015 (эта книга в листе бестселлеров уже не первый год) ; Morales Yu. Dreamers. New York : Neal Porter Books, 2018 ; Reynolds P. H. Be You! New York : Orchard Books ; Beaty A., Valdez S., Roberts D. (ил.). Future Prez. New York : Harry N. Abrams, 2019 ; Sumner J. Roll with It. New York : Atheneum Books Young Readers, 2019.

от вышеупомянутых, уже ставших классическими авторов, современные создатели американских книжек-картинок российскому читателю практически незнакомы.

На российском книжном рынке качественные современные книги для дошкольников – все еще довольно слабый сегмент. Производится, конечно, огромное количество книжек-картинок с минимумом текста и достаточно однообразными иллюстрациями; кроме того, публикуются бесчисленные перепечатки советской классики. Однако этот сегмент сейчас активно пополняется за счет поэзии. Среди современных поэтов особенно выделяется несколько ярких имен: Марина Бородицкая, Артур Гиваргизов, Маша Рупасова, Анастасия Орлова, Галина Дядина, Наталья Волкова[5]. В их книгах все начинается именно с текста – автор/поэт полностью «отвечает» за содержание. Иногда автор и иллюстратор работают вместе, но обычно иллюстратор включается в работу тогда, когда книга уже полностью готова. В этих изданиях качество иллюстраций чаще всего достаточно высокое. В прозаических произведениях, рассчитанных на дошкольников, картина схожая – ведущим является текст.

Исключения, конечно, есть: например, Дарья Герасимова и Анастасия Коваленкова – обе изначально художницы, которые теперь сами стали авторами текстов[6]. Как сообщает об этом Дарья Герасимова в своем посте одной из соцсетей: «Я пишу то, что мне хочется нарисовать. То есть, выходит, что движущая сила всего, что я пишу – желание нарисовать».

Другое интересное решение – союз писательницы и художницы. Александра Литвина и Анна Десницкая вместе создали «Историю старой квартиры» и «Транссиб», но эти книги предназначены для читателя-подростка и относятся скорее к познавательной литературе[7].

Как я уже отмечала, американская литература для маленьких не чуждается сложных социальных проблем. В России социальные вопросы гораздо реже попадают в книги для малышей, зато замечательно расцвела литература познавательная, например в книгах таких издательств, как «Настя и Никита» и «Пешком в историю». В каждом из них вышли десятки, если не сотни, отлично иллюстрированных тоненьких познавательных книжечек для самых маленьких. В них рассказывается об истории, архитектуре, географии, биологии, физике, медицине, транспорте, животных, птицах, насекомых, динозаврах, различных профессиях, одежде, театре, конфетах и многом другом.

Книги-картинки на острые темы в российском контексте обеспечиваются как раз переводами английских, французских, немецких и особенно скандинавских авторов. Переводная литература удачно заполняет практически все лакуны, связанные с темами-табу или, вернее, с темами, о которых с самыми маленькими раньше не говорили напрямую (Аромштам 2014, 2019; Асонова, 2020, с. 325–328). Обо всем этом – о смерти и похоронах, физиологических процессах, конфликтах с родителями и просто о том, что даже маленькому ребенку может быть грустно, – ребенок чаще узнает из переведенных книг, и на российском рынке уже появились по меньшей мере одна-две книжки на каждую из этих трудных тем. Тема смерти, например, довольно обширно представлена в европейских произведениях для самых маленьких, включая книги Амели Фрид, Ульфа Нильсона, Вольфа Эрльбруха и Алекса Ногеса[8].

Подростковая литература: общие темы

В американской литературе для младших и старших подростков и для так называемой группы молодых взрослых (*young adults*) разнообразие авторов и тем тоже позволяет услышать голоса тех групп населения, которые ранее были полностью исключены из «производства» детской литературы. В результате мы видим разнообразие лиц, цвета кожи, происхождения, места проживания авторов. Интересный пример такого нового подхода – победительница премии Андерсена 2020 года американка Жаклин Вудсон, получившая известность в США в первую очередь благодаря книге «Мечты темнокожей девочки»: это поэтическая автобиография самой писательницы, выросшей на американском Юге[9]. Книга представляет собой длинную поэму, написанную свободным стихом, что до недавнего времени уже само по себе было достаточно необычно в американской детской литературе. Исследователи сравнивают это произведение с коллажем, поскольку оно включает в себя не только свободный стих, но и несколько хайку,

[5] Бородицкая М. Мама, вот и я! Москва : Кн. дом Анастасии Орловой, 2019 ; Гиваргизов А. Когда некогда. Москва : Эгмонт, 2017 ; Рупасова М. С неба падали старушки. Москва : АСТ, 2018 ; Орлова А. Яблочки-пятки. Москва : Детское время, 2017 ; Дядина Г. Пуговичный городок. Москва : Октопус, 2017 ; Волкова Н. Шарф для поезда. Москва : Абрикобус, 2017.

[6] Герасимова Д. Лисья сказка. Москва : АСТ, 2019 ; Коваленкова А. Полосатый. Сказка для больших и маленьких. Москва : Арт-Волхонка, 2017.

[7] Литвина А., Десницкая А. История старой квартиры. Москва : Самокат, 2017 ; Литвина А., Десницкая А. Транссиб. Поезд отправляется! Москва : Самокат, 2019.

[8] Фрид А. А дедушка в костюме? : пер. с нем. Москва : КомпасГид, 2010 ; Нильсон У. Самые добрые в мире : пер. со швед. Москва : Самокат, 2019 ; Эрльбрух В. Утка, Смерть и Тюльпан : пер. с нем. Москва : Самокат, 2020 ; Ногес А., Гуриди (ил.). Парко : пер. с испан. Москва : Белая ворона, 2019.

[9] Woodson Jacqueline. Brown girl dreaming. New York : Puffin Books, 2016.

семейные документы, фотографии из семейного архива и заметки автора (Howard, 2017, p. 326, 331–334). Непосредственный, живой голос, рассказывающий о семейной истории, родителях, дядях и тетях, о Южной Каролине и Огайо, в значительной мере отличается от тех, которые были слышны ранее в детской литературе.

Сходным примером может служить и совсем свежая книга Элизабет Асевидо, американской поэтессы пуэрториканского происхождения, «Похлопаем, когда приземлимся» (2020)[10]. Эта книга рассказывает о двух сестрах, рожденных от одного отца и разных матерей – в Пуэрто-Рико и Нью-Йорке. Отец погибает в авиационной катастрофе – и только после этого девочки, наконец, знакомятся друг с другом. Интересно, что и эта книга написана свободным стихом; в ней чередуются главы-монологи каждой из сестер.

В литературе для подростков в последние годы появилось гораздо больше чернокожих героинь, героинь латиноамериканского или азиатского происхождения, детей, выросших в резервации и принадлежащих к разным племенам коренного американского населения. Важно отметить и влияние феминизма, особенно если учесть, что большинство авторов в детской литературе – женщины. Героиня-девочка стала обыденностью в книгах на любой возраст и на любую тему, а главное, девочки уверенно занимают свои позиции в литературе приключенческого толка (от реалистической до фэнтези), где раньше все же преобладали герои-мальчики, а девочки, наподобие Гермионы, только помогали своим Гарри Поттерам[11]. Несмотря на то, что в новых подростковых романах исчезает характерная ранее четкая граница между произведениями для девочек и произведениями для мальчиков, в них ясно виден на первый взгляд новый, но «отчасти знакомый феномен»: многие романы написаны женщинами для девочек, и действуют в них героини-девочки (Nikolajeva, 2010, p. 11).

«Проблемные» подростковые романы часто фокусируются на темах, ранее табуированных; они рассказывают о трудностях в жизни подростков так, чтобы потенциальные читатели смогли пересмотреть свое отношение к определенным жизненным ценностям (Howard, 2017, p. 338). Однако для этих произведений важнее всего избежать дидактизма в разговоре на трудные темы. Важность этих книг трудно переоценить, поскольку использование их в школьной программе позволяет основывать образование на более жизненном материале (Ciecierski, Bintz, 2015). При этом литературе для подростков приходится изменяться вместе с переменами в жизни ее читателей. «Так, авторы, обращающиеся к серьезным социальным проблемам современной жизни, вынуждены, чтобы не покривить против правды жизни, отказываться от традиционного для детской литературы оптимистического финала: ведь совсем не для каждой проблемы существует благополучное решение» (Мяэотс, 2014, с. 179).

Нельзя не заметить, что в чем-то американская и российская литература для младших подростков идут параллельными путями: подростки в глобальном мире достаточно похожи, они смотрят одни фильмы и играют в одни игры, они прочли те же семь томов «Гарри Поттера». Подростки в обеих странах нуждаются в достаточно схожих книгах, говорящих о таких серьезных вещах, как болезнь, смерть, самоубийство, буллинг, наркотики. В российской подростковой литературе происходят серьезные и заметные изменения (Asonova, Bukhina, 2020). «Современный автор детской или подростковой книги явно отличается от своих предшественников: у него во многом иные задачи, другие технические условия. Но самое главное – у него совершенно другой читатель, внимание которого нужно привлечь, конкурируя и взаимодействуя с другими рецептивными практиками – цифровыми, динамичными, опирающимися на эффект “дополненной реальности”» (Ассонова, 2016, с. 333). Кроме того, заставляет «подтянуться» и обилие переводов. Прочитавшие достаточно переводной литературы подростки уже ожидают от российской писательницы (в данном случае это не феминитив, а констатация факта: большинство тех, кто пишет для подростков, женщины), что она будет разговаривать с ними серьезно и на серьезные темы.

И в американской, и в российской относительно реалистической детской литературе все чаще и чаще появляются именно героини, а не герои (Шаталина, 2018; Hassel, Clasen, 2017, p. 1–10). Это активные девочки, но при этом они самые обычные дети в самых обычных семьях, а не такие выдающиеся особы, как Нэнси Дрю или Пеппи Длинныйчулок (Бухина, 2018).

Сходство в развитии обеих литератур – американской и российской – выражается особенно явно в сходстве образов героинь-девочек. Они знают, чего хотят от жизни, и стараются этого добиваться. В книге американки Жаклин Келли «Эволюция Кэлпурнии Тейт» девочка растет в семье с шестью братьями (трое младше нее и трое старше)[12]. Она мечтает учиться

[10] Acevedo E. Clap when you land. New York : Quill Tree Books, 2020.

[11] Приведу для сравнения два американских и два российских примера: трилогия Сьюзен Коллинз «Голодные игры» и тетралогия Вероники Рот «Дивергент»; шесть книг Натальи Щербы из цикла «Часодеи» и семь книг Алексея Олейникова «Дженни Далфин и Скрытые Земли» (Бухина, 2016).

[12] Kelly J. The Evolution of Calpurnia Tate. New York : Square Fish, 2011 ; Келли Ж. Эволюция Кэлпурнии Тейт : пер. с англ. Москва : Самокат, 2015.

в университете и заниматься наукой, тогда как все вокруг, включая ее собственную маму, стараются сделать из нее «настоящую девочку». Действие в написанной в 2011 г. книге происходит в Техасе на рубеже XIX и XX вв., но проблемы идентификации и права на свободу выбора остаются по-прежнему актуальными и в современной жизни. Сходная ситуация – необходимость отвечать за свои поступки и самой добиваться того, о чем мечтаешь, – описана в книге Юлии Кузнецовой «Первая работа»[13], где Маше приходится учить испанскому маленькую избалованную девочку, чтобы заработать средства на поездку в Испанию в летний языковой лагерь, так как у Машиных родителей на это нет средств.

Другая сложнейшая тема, занимающая авторов по обе стороны океана, это тема смерти – для подростков она очень важна. Дискуссия о том, является ли тема смерти в детской литературе табуированной, началась уже достаточно давно. Конечно, смерть всегда присутствовала в детских книгах, но ее осмысление меняется со временем (Butler, 1972; Chaston, 1991; Clement, 2015; Corr, 2002; Gibson, Zaidman, 1991). Подростки забывают, вернее, притворяются, что забыли о страхе смерти. У них нет – или им так кажется – никаких страхов, им «наплевать» на опасность и смерть, ими движет наигранное бесстрашие и бесшабашность. Они рискуют, гоняя на мотоциклах, совершая мелкие (или не мелкие) кражи, ввязываются в драки, экспериментируют с алкоголем и наркотиками. Они как бы тестируют свое бессмертие, непременно хотят в нем убедиться. Тем не менее размышления о смерти – необходимая стадия взросления, особенно когда речь идет о смерти ровесника. Две книги в буквальном смысле были написаны одновременно в двух разных странах: «Доклад о медузах» американки Али Бенджамен[14] и «Охота на василиска» пишущих по-русски и популярных в России белорусских авторов Андрея Жвалевского и Евгении Пастернак[15]. В обеих книгах главная героиня теряет близкую подругу: в первом случае подруга, прекрасная пловчиха, неожиданно тонет в море, во втором – никогда не употреблявшая наркотики подруга умирает от передозировки. Книги эти удивительно схожи между собой и сюжетно, и психологически. Пока каждая из героинь, Сузи и Ксюша, не разгадает загадку таинственной смерти подруги, ей не удастся успокоиться и примириться со своим окружением – одноклассниками и родителями.

Тема близкой смерти, которая хоть и не настигает героя и его близких, но оказывается где-то совсем неподалеку, волнует писателей в обеих странах. Мег Розофф, американка, живущая в Великобритании, проводит свою героиню Дейзи через смертельные опасности грядущей войны в подростковом романе «Как я теперь живу»[16]. Девочка выживает, но травма так глубока, что она оставляет огромный след и с ней приходится бороться еще долгие годы. В книге москвички Дарьи Доцук «Голос» Саша оказывается в ситуации террористического акта – взрыва в метро[17]. Саше тоже приходится сражаться с последствиями чудовищного стресса, и только помощь сверстников, новых друзей, которых она находит в Калининграде, куда переезжает из Москвы, позволяет ей снова начать дышать, жить и говорить о пережитом. В обеих книгах повествование ведется от первого лица; тема «обретения голоса» (отсюда и название книги Доцук) и возможность рассказать свою историю невероятно важны (Бухина, 2018, с. 109–110).

Для подростков постарше не менее важной оказывается тема самоубийства. Роман Джея Эшера «Тринадцать причин почему» пытается ответить на этот роковой вопрос: что может подтолкнуть подростка к самоубийству?[18] Почему маленькие, казалось бы, незначительные причины растут как снежный ком и приводят к непоправимому результату? Сходным образом изучают причины самоубийства подростков Андрей Жвалевский и Евгения Пастернак в книге «Пока я на краю»[19]. Что оказывается «последней каплей», почему родители не могут помочь своему ребенку, где нарушается взаимопонимание? Столь же остро стоит тема самоубийства и в пронзительном романе пишущей по-русски казахской писательницы Аделии Амраевой «Я хочу жить»[20]. Героям этих произведений подчас кажется, что самоубийство – самый легкий и безболезненный выход из всех проблем и неприятностей, однако эти книги явно показывают, что любой другой выход лучше (Asonova, Bukhina, 2020, p. 8).

Тема телесности и телесных возможностей становится все более и более важной в подростковой литературе (Nikolajeva, 2017). С ней тесно переплетена тема болезни и страдания.

[13] Кузнецова Ю. Первая работа. Москва : КомпасГид, 2017.

[14] Benjamin A. The thing about jellyfish. New York : Little, Brown Books for Young Readers, 2015 ; Бенджамен А. Доклад о медузах : пер. с англ. Москва : Самокат, 2019.

[15] Жвалевский А., Пастернак Е. Охота на василиска. Москва : Время, 2014.

[16] Rosoff M. How I live now. London : Penguin Books, 2005 ; Розофф М. Как я теперь живу : пер. с англ. Москва : Белая ворона, 2017.

[17] Доцук Д. Голос. Москва : Самокат, 2017.

[18] Asher J. Thirteen reasons why. New York : Razorbill, 2013 ; Эшер Дж. Тринадцать причин почему : пер. с англ. Москва : АСТ, 2017.

[19] Жвалевский А., Пастернак Е. Пока я на краю. Москва : Время, 2016.

[20] Амраева А. Я хочу жить. Москва : Аквилегия-М, 2018.

Исследователи отмечают, что в современной подростковой литературе страдание уже не несет сентиментальной окраски и не считается чем-то необычайно важным – времена трогательно умирающих от чахотки викторианских героинь давно прошли (McEntyre, 2002, p. 132). Болезнь воспринимается скорее как факт жизни, который надо принять и научиться правильно к нему относиться. Отдельная тема, появившаяся сравнительно недавно в американской и совсем недавно в российской литературе, – книги об «особых детях»[21] с физическими проблемами или особенностями поведения и психики (Годинер, 2018). В американском контексте появление таких героев в детских книгах стало настоящей революцией (Wheeler, 2013, p. 335). Две, может быть, наиболее известные в США книги на эту тему уже попали к российскому читателю. Это «Чудо» Р. Дж. Паласио[22] и «Привет, давай поговорим» Шэрон Дрейпер[23]. В первой речь идет о ребенке со значительными физическими отклонениями, вызывающими у окружающих испуг и неприятие, во второй – героиня прикована к инвалидному креслу и не может даже говорить, однако внутри ее тела с ограниченными возможностями заперт живой ум, который окружающим так трудно разглядеть. Подобные книги, особенно когда они попадают в сферу школьного чтения, дают возможность читателю-школьнику научиться видеть другую, не только собственную точку зрения, особенно благодаря тому, что рассказ, например в книге «Чудо», ведется попеременно от лица нескольких героев (Ciecierski, Bintz, 2015, p. 22). В обеих книгах ребенок с такими проблемами, воспитывавшийся в домашних условиях, становится центральной фигурой повествования и впервые попадает в школу, причем сразу в пятый класс (Wheeler, 2013, p. 341–342).

Современному подростку, который часто заметно отличается от своих сверстников, бывает трудно разобраться в себе и еще труднее ужиться с ближайшим окружением. Именно такие герои чаще всего возникают на страницах повестей москвички Нины Дашевской (Asonova, Bukhina, 2020, p. 7). Главный герой ее повести «День числа Пи»[24] не похож на своих одноклассников. Талантливый музыкант и математик, он совершенно не вписывается в «нормальную» жизнь, когда речь идет о покупке новых брюк или походе к парикмахеру. Вопрос только в том, что такое «нормальная» жизнь и кто это определяет. Как говорит сам Лева: «Я не странный, я нормальный. Это все остальные странные» (Дашевская, 2018, с. 4). Буквально то же самое чувствует и герой «Чуда» Август: «Вот что я думаю: я необычный только потому, что все вокруг считают меня необычным» (Паласио, 2019, с. 9).

Российская литература, с одной стороны, продолжает традицию XIX в., которой не чужды были сочувственные описания страдающих от бедности и болезней детей (Хеллман, 2016, с. 116), с другой – уверенно впитывает в себя новую тенденцию введения в литературу особых детей как героев (Годинер, 2017; Godiner, 2020)[25]. Например, незрячей героине книги Анны Анисимовой «Музыка моего дятла» приходится все ощупывать, чтобы понять, что из себя представляет окружающий мир[26]. В музее, куда она ходит с папой, ей позволяют трогать экспонаты; мама учит ее отличать наощупь разные продукты, рассказывает ей о цвете ткани, используя образы красного помидора и зеленого яблока. Это, в отличие от других упомянутых выше книг, практически бесконфликтная история, что значительно отличает ее и от американских аналогов, и от многих отечественных произведений; однако надо учесть, что она написана для более юной аудитории.

Заключение

И в российской, и в американской литературе происходят интересные параллельные изменения, вызванные в первую очередь глобализацией современного литературного процесса. Необходимость говорить о том, что интересно сегодняшним детям и подросткам, заставляет писателей внимательнее прислушиваться и к самим детям, и к тому, что делают литераторы в остальных частях мира. К сожалению, последний процесс не всегда двухсторонний – вследствие разницы в политике переводов и их традиционной распространенности в одной и в другой странах, российские писатели и читатели гораздо лучше знакомы с тем, что происходит в американской литературе, тогда так американские (как, впрочем, и европейские) участники литературного процесса только-только начинают знакомиться с современными авторами, пишущими

[21] Термин «особые дети» пришел в русский язык из западной литературы и очень удачно прижился на российской почве; в настоящее время он уже является общеупотребительным как среди родителей, так и среди специалистов.

[22] Palacio R. J. Wonder. New York : Alfred A. Knopf, 2012 ; Паласио Р. Дж. Чудо : пер. с англ. Москва : Розовый жираф, 2013.

[23] Draper Sh. Out of my mind. New York : Atheneum Books for Young Readers, 2012 ; Дрейпер Ш. Привет, давай поговорим : пер. с англ. Москва : Розовый жираф, 2012.

[24] Дашевская Н. День числа Пи. Москва : Самокат, 2018.

[25] Об отношении к инвалидам в советской детской литературе см. подробнее в статье Кати Сенне (Сенне, 2020).

[26] Анисимова А. Музыка моего дятла. Москва : Самокат, 2020.

по-русски[27]. Однако уже ясно, что книги для подростков, написанные на русском языке, как в России, так и в Беларуси и Казахстане оказываются не менее актуальными для русскоязычного читателя, чем переводная литература, вследствие чего регулярно издаются и переиздаются сходными с переводными книгами тиражами. Издатели внимательно следят за литературными премиями – например, «Книгуру», – и даже сами устраивают конкурсы для молодых писателей, такие как «Новая детская книга» от «Росмэн» и объявленный в 2020 г. литературный конкурс издательства «Белая ворона». Читатели-подростки тоже активно вовлечены в литературный процесс; одна из форм такого участия – существование читательского жюри конкурса премии «Книгуру», которое состоит из детей и подростков 10–16 лет[28]. Многие подростки, пользуясь современными медийными средствами, рецензируют и рекомендуют книги своим ровесникам; при этом отмечается обилие детских рецензий русскоязычных книг, например на сайте «Папмамбук»[29]. Новые подростковые книги позволяют многим детям и подросткам разобраться в разнообразных трудностях жизни раньше, чем им придется с ними столкнуться в реальности. Развитие жанра покажет, будут ли эти литературы продолжать идти параллельным, лишь изредка пересекающимся в форме переводов курсом, или у читателей России и США будет больше возможностей узнать, что думают и чувствуют дети и подростки по обеим сторонам океана.

Список источников / References

Аромштам М. С. Как примирить жизнь со смертью // Папмамбук. 2019 [Aromshtam MS (2019) How to reconcile life and death. *Papmambook*]. URL: https://www.papmambook.ru/articles/3657/?fbclid=IwAR0ya_n9dud7hhY76aCMJWg2OfIYfSlno-TMzNjsfhxkhDASGucpve7Mdo (дата обращения = accessed 23.07.2020). (In Russ.).

Аромштам М. С. Нужны ли детям книги о смерти // Папмамбук. 2014 [Aromshtam MS (2014) Do children need books about death. *Papmambook*]. URL: https://www.papmambook.ru/articles/970/?fbclid=IwAR3bBiIu_JYjbfVi-LQvTvNl-74n1l-aSApMd-Bry89f0ahWeG8PI_xFxKU (дата обращения = accessed 23.07.2020). (In Russ.).

Асонова Е. А. Набор открыток, или Семь современных детских книг для медленного чтения // Детские чтения. 2016. Т. 10, № 2. С. 333–343 [Asonova EA (2016) Seven postcards, or seven contemporary books for slow reading. *Detskie chtenia* 10(2): 333–343. (In Russ.)].

Асонова Е. А. Табу или не табу – вот в чем вопрос! // Детские чтения. 2020. Т. 17, № 1. С. 320–333 [Asonova EA (2020) Taboo or not taboo, that is the question! *Detskie chtenia* 17(1): 320–333. (In Russ.)]. https://doi.org/10.31860/2304-5817-2020-1-17-320-33.

Бухина О. Б. Девочка как герой: гендерный переворот в детском фэнтези // Переплет. 2016 [Bukhina OB (2016) A girl as a hero: a gender change in fantasy literature for children. *Pereplet*]. URL: http://vpereplete.org/2016/10/gender-fantasy/ (дата обращения = accessed 23.07.2020). (In Russ.).

Бухина О. Б. От первого лица: Долой Гарри, да здравствует Гермиона // Читатель в поиске. Москва, 2018. С. 100–112 [Bukhina OB (2018) In first person: down with Harry, long life Hermione. *Chitatel' v poiske*. Moscow: Bibliomir, pp. 100–112. (In Russ.)].

Годинер А. В. Инклюзивный калейдоскоп // Читатель в городе. Москва, 2017. С. 32–40 [Godiner AV (2017) Inclusive kaleidoscope. *Chitatel' v gorode*. Moscow: Bibliomir, pp. 32–40. (In Russ.)].

Годинер А. В. Я покажу тебе свой мир. Новинки и переиздания книг с «особыми» героями // Детское чтение : профессиональный информационный журнал. 2018. № 1. С. 14–22 [Godiner AV (2018) I will show you my world. Novelties and reprints of books with "special" characters. *Detskoe chtenie: professional'nyi informatsionnyi zhurnal* 1: 14–22. (In Russ.)].

Дашевская Н. День числа Пи. Москва : Самокат, 2018. 200 с. [Dashevskaya N (2018) *Pi day*. Moscow: Samokat. (In Russ.)].

Мяэотс О. Н. Конфликт «отцов и детей»: для кого пишут детские книги, и кто их читает? // Детские чтения. 2014. Т. 6, № 2. С. 170–183 [Maeots ON (2014) Conflict of "fathers and sons": who are the children's books witten for and who reads them? *Detskie chtenia* 6(2): 170–183. (In Russ.)].

Паласио Р. Дж. Чудо : пер. с англ. Москва : Розовый жираф, 2017. 408 с. [Palacio RJ (2017) *Wonder*. Moscow: Rozovyi Zhiraf. (In Russ.)].

Сенне К. Советское детство: история болезни. Тема инвалидности в советской детской литературе (1930–1990-е гг.) // Детские чтения. 2020. Т. 17, № 1. С. 90–114 [Cennet K (2020) Soviet childhood: an anamnesis theme of disability in Soviet children's literature (1930s–1990s). *Detskie*

[27] «Шутовской колпак» Дарьи Вильке (Москва : Самокат, 2013) издан в США, «Дети ворона» Юлии Яковлевой (Москва : Самокат, 2016) изданы в Великобритании, «Сахарный ребенок» Ольги Громовой (Москва : КомпасГид, 2014) напечатан уже по-французски, по-нидерландски и по-болгарски. «История старой квартиры» Александры Литвиной и Анны Десницкой (Москва : Самокат, 2017) переведена на немецкий, французский и английский, готовятся издания на китайском и нескольких других языках.

[28] См. «Положение о Всероссийском конкурсе на лучшее литературное произведение для детей и юношества "Книгуру"». URL: http://kniguru.info/polozhenie (дата обращения: 23.07.2020).

[29] https://www.papmambook.ru

chtenia 17(1): 90–114. (In Russ.)]. https://doi.org/10.31860/2304-5817-2020-1-17-90-114.

Хеллман Б. Сказка и быль. История русской детской литературы. Москва : Новое лит. обозрение. 2016. 560 с. [Hellman B (2016) *Fairy tales and true stories. The history of Russian literature for children and young people.* Moscow: Novoe lit. obozrenie. (In Russ.)].

Шаталина М. Не всегда принцессы: детские книги, которые разрушают гендерные стереотипы // The Village. 2018 [Shatalina M (2018) Not always the princesses: children's books that breaking gender stereotypes. *The Village*]. URL: https://www.the-village.ru/children/children-guide/304495-gendernye-knigi-deti (дата обращения = accessed 23.07.2020). (In Russ.).

Asonova E and Bukhina O (2020) Everything is new: the publishers, the writers, and most importantly, the readers. *Bookbird* 58(2): 1–12. https://doi.org/10.1353/bkb.2020.0027.

Butler F (1972) Death in children's literature. *Children's Literature* 1: 104–124. https://doi.org/10.1353/chl.0.0649.

Chaston JD (1991) The other deaths in bridge to Terabithia. *Children's Literature Association Quarterly* 16(4): 238–241. https://doi.org/10.1353/chq.0.0757.

Ciecierski L and Bintz W (2015) Using authentic literature to develop challenging and integrated curriculum. *Middle School Journal* 46(5): 17–25. https://doi.org/10.1080/00940771.2015.11461921.

Clement LD (2015) *Global perspectives on death in children's literature.* New York: Routledge. 298 p.

Corr CA (2002) An annotated bibliography of death-related books for children and adolescents. *Literature and Medicine* 21(1): 147–174. https://doi.org/10.1353/lm.2002.0006.

Gibson LR and Zaidman LM (1991) Death in children's literature: taboo or not taboo? *Children's Literature Association Quarterly* 16(4): 232–234. https://doi.org/10.1353/chq.0.0855.

Godiner A (2020) Portrayals of disability in the circle of teenage reading of the 21st century. *Bookbird* 58(2): 76–79. https://doi.org/10.1353/bkb.2020.0022.

Hassel T and Clasen H 2017 Gender(ed) identities: critical rereadings of gender in children's and young adult literature. New York: Routledge.

Howard K (2017) Collage, confession, and crisis in Jacqueline Woodson's Brown Girl Dreaming. *Children's Literature Association Quarterly* 42(3): 326–344. https://doi.org/10.1353/chq.2017.0031.

McEntyre MC (2002) Friends in need: illness and friendship in adolescent fiction. *Literature and Medicine* 21(1): 132–146. https://doi.org/10.1353/lm.2002.0010.

Nikolajeva M (2010) *Power, voice and subjectivity in literature for young readers*. London: Routledge.

Nikolajeva M (2017) Visible, audible and sentient: cognitive-affective engagement with disability in contemporary young adult fiction. *Childhood, Literature and science: fragile subjects*. London: Routledge, pp. 99–109.

Wheeler EA (2013) No monsters in this fairy tale: *Wonder* and the new children's literature. *Children's Literature Association Quarterly* 38(3): 335–350. https://doi.org/10.1353/chq.2013.0044.